

* * *

Как с женщиной — с морскою красотой
Наедине ты должен сочетаться...
Вздыхать на людях — это святотатство...
Твой рай земной — вечерний пляж пустой.

Войди в него и сам себе скажи:
Вот это всё, что надо мне от мира,
Чтоб край волны да к краешку души,
Которую стихия истомила...

Всё бурно, слепо, всё несётся прочь,
Как иностранка смотрится секвойя...
Лишь море сострадает мне живое
И мне чужую скрашивает ночь!

Петергоф

Октябрь. Снег. Дворец Екатерины
(Второй, конечно). И кругом равнины.
Ты с горки — вниз, не ведая преград,
Скатись в хрестоматийный листопад,
И дальше мчись во времени просторы
Туда, где янычар скрывают горы,
Где сладкое вино Бахчисарай
В бокалы наливает через край!
Где запахи и ароматы новы,
и мир — то презабавный, то — суровый...
То — лёгкую любовь подарит вам,
То — заблестит мечом по головам!
Узнав здесь всё — от ада и до рая,
И, всё же, — ничего не понимая,
Ты для забавы включишься в игру
Среди гостей — у жизни на пиру.
Забава — жизнь, забава золотая,
И пальчиком с хихиканьем листая
Её страницы — помни в море слёз:
Ты это всё — не принимай всерьёз!
Смотри — её величество царица
На саночках — под гики — с горки мчится,
И весело — пресытившейся ей,
И даже, чем старей, тем — веселей!

Рассказ ветерана

Уйти из дома, из семьи, Взгляд детский чувствуя спиною... Вот что, товарищи мои, На фронте — самое больное!	А дома — чая кипятков, С дверей — тайги морозный запах... Взгляну с тоскою — на Восток, И вновь за танками — на Запад!
--	---

Пил чай, шутил, а через час Рёв самолётов, лязг вагонов... И словно нету прежних нас, И снег нездешний на погонах!	В атаках, маршах без конца Себя — иного — не жалеешь. Стерпел тот первый шаг с крыльца, Всё остальное — одолеешь!
---	--

Уже вокруг меня война, И где теперь её граница? А дома, знаю, тишина, Какою ввек не насладиться!	Так шёл я летом и зимой. И потому пришёл к Победе, Что очень я хотел домой, Хотел сильнее всех на свете!
---	---

В театре

Анатолию Байбородину

Всё думаю, что я люблю на свете?
Неужто век, что даром проживешь?
Иль скучных будней суетную ложь?
Нет, я люблю, когда уютно светит
в театре ложа,
 а вокруг во тьме,
лишь музыка плывет по бахrome
и бархату багрово-красных тканей.
Что тут творится в чувствах и уме!
Я верю, что душа моя не канет
в конвейере машин, людей, огней,
когда я в дождь из театральной ложи
иду, и лоб касание тревожит
небесных рук — всё ближе, всё сильней!..
Я там живу, где тьма и сумрак сцен,
где люд простой патетикою болен,
где скромною закускою доволен
седой актер, игравший Авиценн!
Волнуют книг старинных вороха,
и разговор на кухне до рассвета,
где кроме нас всё в мире — чепуха,
где нету не великого стиха,
где стол вина и блюдечко омлета.
Мы как гусары, но иных времен,
подростерявши скакунов и шпаги,
все ж закипим безумием отваги,
услышав, как призыв, бокалов звон!
Что нам нашепчет мировой суфлер,
кому блеснет очами Демон новый?
Над смогом повседневности суровой
невидимый духовный видим флёр!
...Спектакль прошел,
 и дождь, и поздний час,
волшебник улетел последним рейсом,
богатства все забрав и шелкнув кейсом,
и снова в мире нет беднее нас!

Утиная охота

Владимиру Скифу

Ещё писатель спит — не время создавать,
Ещё рабочий спит — придёт пора трудиться,
А мы спешим за утками опять,
Пока туман над озером клубится.

С постели — в пять утра,
и завтрак впопыхах,
И душу холодит мне древнее волнение.
...Вот если б так вставал
писать стихотворенье
На цыпочках,
впотьмах,
испытывая страх,

Что время улетит с туманом по горам,
Что не было, и нет счастливее минуты...
Но я спешу стрелять взлетевших в осень уток
К вмерзающим в залив последним катерам.

Природа — обрати ко мне своё участие,
Когда роднит с землёй предутренняя дрожь,
И птице на крыло грядущих песен счастье
Слагает первый снег и льёт последний дождь!

Беседы о любимой

Пришли тут ангел с чертом испытать
меня в высоком звании супруга,
перебивают, вечные, друг друга
и каждый хочет истиной предстать!
Мне черт поет: а любит ли жена?
Что космос разгадать супруги душу!
Свой голос верный внутренний послушай,
один ли ты счастливец, старина!
Но ангел мне: любовь, что птиц полет,
на миг вспорхнет и вновь на ветку сядет,
придешь домой — усталого погладит,
ей мило всё — слеза твоя и пот!
А черт опять: Ты — средство, а не цель!
Ей сладок пот, когда дрова ты колешь,
О, женщина — любить ты соизволишь
не птичек трель, а быта канитель!
Тут я вмешался — грозен был мой вид!
Все рассужденья ложь, скажу вам прямо,
внутри меня святой огонь горит,
и с жизни тьмой сражается упрямо!
Жена моя не женщина, а сон,
подаренный мне богом в одночасье,
она лишь сердцем видимое счастье,
как песни звук, что чувствам в унисон!
И сон любви её, как райский шелк,
всё кружится в каком-то сладком танце...
Заплакал я,
и тут же черт ушел,
но ангел мой, но ангел мой остался!

Москва 70-х и 90-х

Василию Козлову

Как раньше пели! Как бузили!
Строкой придуманною жили,
пусть позы было через край,
зато и юным чувствам рай!
Зато из парка и трамвая
мы шли как боги, напевая,
и дождь в рассветные часы
(нам не постылый от «попсы»)
еще был теплый, чистый, свежий.
И краски выставок в Манеже
Блестели, как глаза подруг.
Кто ж погасил всё это вдруг?
Асфальта мокрого просторы
и путь на Ленинские горы,
пространство, полное души,
где все предметы хороши!?

Быть может, нам уснуть на годы
И, словно от плохой погоды,
в сон спрятаться от бардака,
который метит на века
всё кровью пропитать под нами,
застроить рощи теремами,
где божий свет не входит в дом
и отсвет дьявола на всём!
Пусть черти перебьют друг друга
в объятьях замкнутого круга
пройдох, убийц, ростовщиков....
Быть может, через сто веков
с Тальковым вместе побороться
за Бога — пусть опять прорвется
ватага бардов и певцов,
и победит в конце концов!

Сон на Пасху

То сон ли лёг на лоб как шёлк,
Иль был реальным вид?
Я в палестинский двор вошёл
На гладь нестарых плит.
Где храм по грудь еще не врос
В пески других времен,
Где только что прошёл Христос,
Толпе отдав поклон.
За ним, всё зная, я бежал
Меж лавок и людей,
И, встретив, руку мне пожал
Мирянин-иудей.
Сквозь пыль жары, жаровен чад,
Что город городил
Я снова в Гефсиманский сад
Как в новый мир входил.
— Прошу, не надо мне чудес! —
Сквозь чашу я орал, —

Не надо, чтобы ты воскрес,
А чтоб не умирал...
Пускай дает здоровье врач,
А вина — винодел,
И покарает всех палач
За грех кровавых дел.
Чтоб отступил от сердца бес
У роковой черты,
Совсем не надо мне чудес,
Мне нужен только Ты.
— Оставь унынье, — был ответ. —
Ведь ты теперь со мной,
А значит, смерти больше нет
в судьбе твоей земной!
— Не будет смерти! — был мой крик
И эхом в тишине.
— А будет вечность, Бог велик! —
Все отвечали мне!